

дело, которому он служил всю жизнь. Советский народ защищал право на мирное строительство, на творческое дерзание, не знающее пределов, он защищал мирное небо над нашими головами, игры детей, складывающихся первые в своей жизни домики из кубиков, и мечту архитектора, под самое небо возводящего высокое светлое здание. Он защищал все то, что мы зовем свободой, радостью, жизнью.

Быть вместе с народом, вместе с родной партией в суровый час испытания—другого стремления не знали советские художники. Чем могли, мы старались служить делу победы над вероломным и жестоким врагом. Единым патриотическим подъемом жили мы со всем народом, показывая свои спектакли героическим труженикам тыла, проезжая с театральными бригадами по фронтовым дорогам, выступая перед людьми, только что вышедшими из боя, стараясь порадовать своим искусством раненых бойцов в госпиталях, собирая средства на постройку танков для танкового соединения «Москва», работая над новыми пьесами, посвященными великой освободительной борьбе нашей Родины.

Мы добивались передачи яркой публицистичности «Фронта», поэтичности и мужественности «Русских людей», но прежде всего мы хотели сообщить зрителю ту страстную веру в торжество нашего правого дела, которая объединяет эти произведения. Плечом к плечу с бойцами революции, чьи образы воплощены Художественным театром в его прошлых спектаклях, — рядом с Пеклевановым и Вершининым, Листратом из «Земли» и Любовью Яровой встали герои Отечественной войны, партийные и непартийные большевики—капитан Сафонов и военфельдшер Глоба, генерал Огнев и простая русская девушка Валя.

В послевоенные годы постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам наметили четкую и мудрую программу развития советского искусства.

Предельно ясные и глубокие указания партии наш театр стремится осуществлять в своей непосредственной художественной практике. В спектаклях «Дни и ночи» и «Победители», посвященных великой Сталинградской битве, мы добивались раскрытия замечательных черт характера советского человека, выявившихся с особой силой в годы Отечественной войны. С огромным интересом и чувством творческой ответственности мы подошли к постановке драматических произведений, материалом для которых послужила сегодняшняя жизнь нашей Родины. Мы возобновили нашу творческую связь с Н. Виртой, поставив его пьесу «Хлеб наш насущный». Живое ощущение близости коммунистического Завтра, непримиримость борьбы со всем, что тормозит движение в будущее, увлекали нас в «Зеленой улице» А. Сурова. Театр провел большую совместную работу с автором над улучшением драматургических качеств пьесы и показал ее советскому зрителю вскоре после волнующих нас всех дней празднования полувекового юбилея театра.

И в «Хлебе нашем насущном» и в «Зеленой улице» нас захватывали острота движущих действие конфликтов, правдивое отражение тех противоречий, которые существуют в нашей жизни. Эти пьесы бичуют остатки частнособственнической психологии, пережитки буржуазной морали, буржуазный космополитизм, рабское преклонение перед разлагающейся культурой Запада. И характерно, что именно эти наши постановки навлекли на нас «немилость» антипатриотической группы театральных критиков.

Партийная печать в своих выступлениях с неумолимой логикой разъяснила, что потеря чувства национальной советской гордости неизбежно сопряжена с низкопоклонством перед антинародной упадочнической «культурой» буржуазного Запада, с барским снобизмом по отношению ко

всему новому и молодому, что появляется в советском искусстве. Беседуя с мастерами МХАТ, товарищ Сталин еще в 1938 году указывал, что советскому искусству не к лицу считаться с мерилами западной буржуазной эстетики. «Нас, конечно, не интересует, что говорят о театре люди, представляющие мюзик-холльными представлениями. Только у нас в стране по-настоящему любят и ценят искусство», — говорил Иосиф Виссарионович.

Партия неустанно напоминает о необходимости воспитывать в наших людях советскую патриотическую гордость и повышать большевистскую бдительность. Ставя «Чужую тень» К. Симонова, мы хотели наглядно показать, кому бывает наруку аполитичность и беспечность таких людей, как профессор Трубников. Мы ставили «Чужую тень» в те дни, когда американские убийцы в белых врачебных халатах еще только начинали выращивать в своих тайных лабораториях смертоносные посевы чумы, холеры, тифа, когда в секретной переписке пентагонских генералов только украдкой упоминалось «новое секретное оружие». Сейчас, когда весь мир воочию убедился в преступлении против человечества, совершаемом американцами под покровом голубого флага Организации Объединенных Наций, советский зритель с особенным волнением встречает спектакль. Мы чувствуем, что теперь он доходит еще глубже, чем прежде.

Несмотря на все преступления и происки американской реакции, силы мира крепнут повсеместно. Простые люди всего мира видят в стране Советов оплот своих надежд. Об этом мы хотели рассказать в своих спектаклях «Русский вопрос» и «Заговор обреченных».

Советская держава, руководимая великой партией Ленина—Сталина, возглавляет могучее движение за мир. На каком бы участке ни работал советский человек, он знает, что своими трудовыми успехами он изо дня в день укрепляет дело мира. Мы, художники театра, хотим рассказать о замечательных и простых героях нашего времени. О воплощении образов строителей коммунизма мечтают и наши ведущие мастера, и молодое «третье поколение» — артисты студийной группы. Черты новой, коммунистической морали старались мы выявить в героях одной из наших последних постановок, «Второй любви». Но основная работа — еще впереди. Мы осознаем, что в этом важнейшем направлении нами сделано пока мало.

Народ и партия выдвигают перед искусством требование глубокой правдивости в изображении действительности. Советский человек должен быть показан в процессе своего духовного роста, во всем богатстве своего внутреннего мира, своих чувств и мыслей. Но правдивое отображение реальной жизни требует от художника также и смелого показа трудностей борьбы нового со старым, которое, как известно, не хочет умирать добровольно, а сопротивляется изо всех сил.

Партия предостерегает нас от лакировки действительности, от замазывания трудностей и недостатков, которых еще встречается немало. Партия дает резкую отповедь попыткам глушить критику, настойчиво и непримиримо борется с настроениями благодушия и упоения успехами. Все это имеет прямое отношение и к нашей творческой практике. Пора покончить с таким положением, при котором под предлогом нетипичности изображаемого из произведения вытравляется его острый критический смысл. «Нам Гоголи и Щедрины нужны», — подсказывает партия необходимость смелого сатирического обличения различных пережитков прошлого в общественной жизни и в быту. Художественный театр хранит богатые традиции сценической сатиры, — достаточно вспомнить хотя бы М. Тарханова—Фурначева в «Смерти Пазухина» М. Салтыкова-Щедрина.